

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

# Мизгирь



Дмитрий Мамин-Сибиряк

**Мизгирь**

«Public Domain»

1891

## Мамин-Сибиряк Д. Н.

Мизгирь / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain», 1891

«Осенью, когда от первого инея закинула лиственница, я с винтовкой отправился на кордон при горной речонке Шипишной, чтобы провести несколько дней на одной из лучших охот. Шипишинский кордон поставлен был на полустанке между заводом Галчинским и пристанью Уралкой, куда лето и зиму везли железо и медь. Движение кладей усиливалось зимой, и транспорты останавливались на кормежку на Шипишинском кордоне, где были устроены громадные навесы для лошадей, амбары с овсом и сеновалы. От Шипишинского кордона было ровно двадцать верст и до завода и до пристани, места по реке Шипишной были вообще нетронутые и довольно дикие, а для осенней охоты лучших, кажется, и не придумать. Когда-то здесь был громадный курень, растянувшийся на десять верст, а теперь все поросло громадным смешанным лесом...»

© Мамин-Сибиряк Д. Н., 1891

© Public Domain, 1891

# Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

# Дмитрий Мамин-Сибиряк

## Мизгирь

### I

Осенью, когда от первого инея закинула лиственница, я с винтовкой отправился на кордон при горной речонке Шипишной, чтобы провести несколько дней на одной из лучших охот. Шипишинский кордон поставлен был на полустанке между заводом Галчинским и пристанью Уралкой, куда лето и зиму везли железо и медь. Движение кладей усиливалось зимой, и транспорты останавливались на кормежку на Шипишинском кордоне, где были устроены громадные навесы для лошадей, амбары с овсом и сеновалы. От Шипишинского кордона было ровно двадцать верст и до завода и до пристани, места по реке Шипишной были вообще нетронутые и довольно дикие, а для осенней охоты лучших, кажется, и не придумать. Когда-то здесь был громадный курень<sup>1</sup>, растянувшийся на десять верст, а теперь все поросло громадным смешанным лесом.

Вид на самый кордон открывался с ближайшей горы. Он стоял на луговине, на самом берегу реки, которая вечно шумела по камням, пряталась в осоках и приречной поросли и разливалась тихими заводями, где ее подпирали новые камни. Кругом кордон был обрамлен зеленой стеной куренных березняков: такие березы, высокие, ровные, стройные, как восковые свечи, вырастают только на куренных пожогах.

Собственно кордон состоял из громадной русской избы с громадной русской печью и громадными полатями. Транспорты приходили подвод по сту, и нужно было обогреть где-нибудь всех ямщиков, напоить их и накормить. Транспортные ямщики вообще пользовались плохой репутацией, особенно те, которые ездили и зиму и лето. Летних ямщиков называли почему-то «соловьями», и это название переходило от одного поколения ямщиков к другому, как клеймо самого отпетого народа. В осеннюю распутицу транспортов шло совсем мало, и на кордоне царили тишина и какая-то мертвая лесная лень. Без просыпу спал подручный кордонщик Пимка, молодой вороватый парень с красной затекшей шеей и припухшими глазами; без просыпу спала кордонная стряпка Настасья, здоровенная бабища, точно сшитая из подошвенной кожи; спали собаки, и только бодрствовал за всех сам кордонщик по прозвищу Мизгирь.

Это был тщедушный мужичонка, с сморщенным, маленьким лицом-кулачком и жиденькой бородачкой-мочалкой. Он вечно молчал и вечно что-нибудь промышлял по своему обширному хозяйству. Без дела я его никогда не видал: то он починивал какую-то сбрую, то рубил дрова, то поправлял что-нибудь у избы или на дворе. Он был из числа тех суетливых людей, которые не могут сидеть без дела. Лично мне Мизгирь напоминал трудолюбивого муравья из какой-нибудь басни.

– Ты отчего же подручного не заставляешь работать, а все сам?

– А так... Пусть его отдохнет, – коротко ответит Мизгирь, постукивая топором.

– Почему тебя Мизгирем зовут?

– А ростом не вышел, вот и стал Мизгирь. Еще ребята прозвали, когда мальчонкой был...

Между прочим, на обязанности Мизгирия лежало охранение лесов на десять верст в окружности. Это уже так, между делом, для того, чтобы в заводских отчетах не оставалось пустой графы о лесном кордоне. Эта мудрая заводская экономия, впрочем, ничего не стоила и Мизгирию, потому что оберегать лес было не от кого: кому его нужно в этом глухом медвежьем углу? Но Мизгирь все-таки считал своей обязанностью каждую неделю обходить какой-

<sup>1</sup> Курень – здесь выжженное место в лесу.

нибудь участок из своих обширных владений, вероятно, главным образом потому, что любил природу и был поэтом в душе. Среди простого народа таких поэтов достаточное количество, и, вероятно, им обьязано происхождение народных песен.

Характеристика Мизгиря была бы неполной, если бы я не прибавил описание собаки Мучки, сопровождавшей своего хозяина по пятам. Это была не охотничья собака в собственном смысле слова и не дворняга в тесном, а промысловая, одно из тех удивительных созданий, которые только не говорят. В характере специально охотничьих собак и в каждом их движении на меня производит всегда неприятное впечатление что-то лакейское, приниженное и вороватое, тогда как в промысловой собаке сохранились деловая серьезность и сознание своего собачьего достоинства. Такая собака не будет облаивать зря каждого встречного, не будет и ласкаться без пути или соваться без всякого толку, опять-таки потому, что у нее есть свое главное дело; хозяина она стережет тоже умненько, как и ласкается. Мучка меня приводила в восторг своим тактом, выдержкой и солидностью. И масть у нее была какая-то необыкновенная: настоящий волк, если бы не задранный кольцом хвост. По происхождению Мучка принадлежала к вогульским ланкам, и этот тип промысловой собаки выработался, вероятно, не одной сотней лет. Нужно было видеть Мучку на охоте, чтобы вполне оценить ее редкие качества. Мое появление с ружьем всегда производило в душе Мучки мучительную раздвоенность: своим собачьим сердцем она принадлежала Мизгирию, а охотничий инстинкт толкал ее ко мне.

Нужно было видеть собаку, когда мы отправлялись на охоту. Мизгирь всегда сопровождал меня, хотя и никогда не стрелял. Я подозреваю, что он и ходил со мной только для того, чтобы потешить собаку. Мучка сама вела в лес и понимала каждое движение. Глаза ее блестели, движения принимали неуловимую грацию, какую породистому животному придает «кровь», и только время от времени она какими-то виноватыми глазами смотрела на хозяина, точно извинялась за свое охотничье опьянение.

– Ну, побалууй... – говорил Мизгирь. – Ишь воззрилась!..

– Отчего ты не заведешь себе ружья? – несколько раз спрашивал я у Мизгиря. – Сколько бы добыл себе дичи...

– Не люблю, – коротко отвечал Мизгирь.

– Да отчего не любишь?

– А так... неподходящее дело.

Сколько я ни добивался более обстоятельного ответа, но ничего не мог выпытать.

В своей даче Мизгирь знал каждый уголок, каждое дерево, каждый камень и мог пройти ее из конца в конец с завязанными глазами. Вообще в нем было много качеств настоящего лесника, начиная с необычайной способности ориентироваться. Он с точностью настоящего хозяина знал, где, какие и сколько выводков, куда они выходят пастись, какие перемены произошли в их составе и т. д.

– Агроматных три петуха под Ереминым Верхом на лиственнях кормятся, – сообщил он. – По саре так и поговаривают. С кордона слышно, как они бормочут.

Закишшая лиственница – любимое кушанье глухаря. Сначала птица садится на дерево кормиться только по зарям, а лотом – и днем. Когда стоит слишком ясная погода или дует ветер, глухарь «сторожит», и к нему без собаки подойти на выстрел в такую строгую минуту почти невозможно. Лучшее время охоты – те серые осенние дни, когда с утра начинается «могросить». С собакой охота облегчается во много раз, особенно с такой, как Мучка. Она сама отыскивала глухаря не «по поеди», как другие собаки, не лаяла слишком громко и не прыгала на дерево, а выводила верхним чутьем. Глухарь в пернатом царстве напоминает какой-то дубоватой простотой медведя. В обыкновенное время очень чуткая и сторожкая птица, за исключением периода весеннего токования, на лиственнице он делается совсем глупым, особенно, когда завидит собаку. Не нужно было даже говорить, кого облаивала Мучка: она так выразительно тьякала раза два – три и делала выжидательную паузу, давая время подойти. Заслышав наши шаги,

она снова начинала лаять, чтобы отвлечь внимание глупой птицы на себя. Одним словом, удивительная собака. Всего интереснее был момент, когда подкрадывание к птице кончалось и я взводил курок винтовки. Мизгирь затыкал уши пальцами и закрывал глаза, как слабонервная девица. Когда раздавался выстрел, он вздрагивал и как-то испуганно глядел на лиственницу, где сидел глухарь. К убитой птице он совсем не подходил.

– Боишься выстрела? – спрашивал я его.

– Нет... Крови боюсь, – отвечал он, закрывая глаза и съеживая свои почти детские плечи. – Страшно!.. Не могу... Сердце так и зайдет.

Нужно заметить, что прелесть осенней охоты на глухарей не в количестве убитой птицы, а в грустной поэзии умирающего леса, расцвеченного последними красками. Трудно сравнить с чем-нибудь то чувство, которое охватывает вас, когда вы бродите по лесу такой осенью. Под ногами как-то по-мертвому шуршит облетельный лист, трава тоже сухая и жесткая, как волос, а зато какими яркими цветами играют березняки и осинники, точно обрызганные золотом и кровью! Воздух напоен тем особенным горьковатым ароматом, какой дает палый лист; осенний крепкий холодок заставляет вздрагивать, дышится легко, и вы переживаете то состояние приятного опьянения, какое производит дорогое старое вино. Самая усталость не гнетет, а только сулит крепкий сон, отличный аппетит и какую-то необъяснимую полноту существования.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.